

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СБОРНИКОВ ЮННЫ МОРИЦ «РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ», «МЫС ЖЕЛАНИЯ» И «ЛОЗА»

Козлов Є.Д.

ОСОБЛИВОСТІ ЛІНГВОПОЕТИЧНОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ ЗБІРОК ЮННИ МОРИЦ “РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ”, “МЫС ЖЕЛАНИЯ” ТА “ЛОЗА”.

В статті аналізуються особливості лінгвопоетичної організації збірок Юнни Моріц «Разговор о счастье», «Мыс желания» та «Лоза», виявляються засоби виразності, які сприяють актуалізації теми жінки, що характерна для творчості поета, наводяться приклади використання автором онімізації, граматичного відбору, гендерно-лексичних опозицій.

Ключові слова: лінгвопоетика, ідіостиль, онімізація, граматичний відбір, антропоморфна метафора

Козлов Е.Д.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СБОРНИКОВ ЮННЫ МОРИЦ «РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ», «МЫС ЖЕЛАНИЯ» И «ЛОЗА»

В статье анализируются особенности лингвопоэтической организации сборников Юнны Моритц «Разговор о счастье», «Мыс желания» и «Лоза», выявляются выразительные средства, способствующие актуализации темы женщины, характерной для творчества поэта, даются примеры использования автором онимизации, грамматического отбора, гендерно-лексических оппозиций.

Ключевые слова: лингвопоэтика, идиостиль, онимизация, грамматический отбор, антропоморфная метафора

Kozlov I.D.

LINGUISTIC AND POETICAL PECULIARITIES OF JUNNA MORITZ'S COLLECTIONS OF POETRY “RAZGOVOR O SCHASTJE”, “MYS ZHELANIJA” AND “LOZA”.

The paper analyzes linguistic and poetical peculiarities of Junna Moritz's collections of poetry “Razgovor o schastje”, “Mys zhelanija” and “Loza”; expressive means of language which help the actualization of woman theme in poet's works are identified; the paper gives examples of use of onymization, gender selection, gender and lexical oppositions.

Key words: linguistic poetics, idiostyle, onymization, grammatical selection, anthropomorphic metaphor

Объектом нашего исследования являются три первых сборника Юнны Моритц, которые мы анализируем с точки зрения их лингвопоэтической организации, что позволяет проследить динамику использования приемов, направленных на актуализацию темы женщины, которые формируют идиостиль автора.

Книга стихов «Разговор о счастье» (1957) является первой книгой Юнны Моритц. Стихотворения, вошедшие в сборник, объединяют темы детства, юности и школы.

Во втором сборнике «Мыс желания» (1961), как и в предыдущем, еще отсутствует активное окказиональное словообразование, характерное для более поздних стихов поэта, но неизменно присутствует гендер. Автор часто обращается к использованию антропоморфной метафоры.

«Лоза» (1970) – третий сборник, появившийся через 9 лет после предыдущего. В нем много стихотворений, в которые автор, помимо уже при-

вычного описания окружающего мира, включает философские размышления.

Проанализируем онимосферу данных сборников. Если в первом мы встречаем антропонимы типичные для современности поэта, имеющие разговорную форму и не несущие специфической нагрузки, кроме гендерной (*Света, Коля, Ирочка, Ира, Тонька, Анюта, Вовка, Светка, Юра, Наташа, Катя* и т.д.) [4], то во втором количество таких имен уменьшается, а в третьем становится минимальным. Их сменяют прецедентные имена, связанные с миром античности, (*Ариадна*), русской (*Державин, Блок*) и мировой литературы (*Джувьетта, Гайавата, Катри Вала*), культуры и искусства (*Феллини, Моцарт*). Каждое стихотворение создает свое онимное пространство, задавая локус именами собственными.

С точки зрения реализации идеи женскости особо выделяется стихотворение «На смерть Джувьетты» [2, с. 41–42], связанное с прецедентным текстом шекспировской трагедии. Содержа-

ние стихотворения нарушает предсказуемость: название «На смерть Джульетты» предполагает развитие любовного сюжета. Само же стихотворение посвящено жажде жизни, которую испытывает лирическая героиня стихотворения. Значимо отсутствие онимного коррелята. В культурном сознании имя Джульетта неизменно выступает как часть онимной пары – Ромео и Джульетта. «Они-мы, парно существующие в прецедентных текстах европейской культурной традиции и воспринимающиеся как «безусловно целое», как гендерная пара в мультикультурной картине мира, устойчиво воспроизводимы в русском поэтическом тексте» [5, с. 271]. В то же время сюжет стихотворения связан только с девушкой, и на языковом уровне мы сталкиваемся с селекцией. Дважды повторяется имя Джульетта, употребляются яркие с точки зрения актуализации рода краткие формы прошедшего времени причастий и прилагательного *одета, остра, отпета*. Поэтесса, используя лингвопоэтические возможности прямой речи, обращения и формы будущего времени [1, с. 104], обещает Джульетте возможное развитие ее женской судьбы: *Не умирай, Джульетта, добровольно! Вот гороскоп: наследника родишь*. Особенно грамматически ярко организована последняя строфа: *«Противен мне бессмертия разор. / Помимо жизни, все невыносимо. / И горя нет, пока волнует взор / Все то, что в общем скоротечней дыма»*. В ней одна граммема женского рода – *жизнь*, остальные граммемы мужского и среднего рода, и их поэтесса определяет как то, что *помимо жизни* и что для нее *невыносимо*. *Наследника родишь* – перспектива, которая прервана в прецедентном тексте. Автор проецирует эту перспективу на себя, в свой мир.

В сборнике детально представлен близкий авторскому мир лирической героини, где женское начало занимает ведущие позиции. Её самохарактеристика имеет гендерную грамматическую оформленность: *Я подвержена идее / Побывать на Зейдер-Зее* [2, с. 7]; *Один можжевельовый куст / Расцвел. Я услышала хруст. / Я только подумала: с неба?* [2, с. 16]; *Я как раз посерединке / Жизни собственной стояла...* [2, с. 35]; *Я уменьшалась, как в подвешнике* [2, с. 90]; *Я поднимала воротник выше / И понимала, что дела плохи. / На почте, где никто меня не слышал, / Я написала гордые стихи* [2, с. 110] и т.д. Активно используются глаголы в форме прошедшего времени, позволяющие автору создать женский грамматический фон.

Описывая мир, автор в первую очередь обращает внимание на женщин:

*Я это знаю по ходьбе
На рынок, черный от грузинок,
Влачащих овоц на горбе.* [2, с. 6]

В целом ряде стихотворений используют-

ся предикативы, имеющие грамматическую форму женского рода и относящиеся к самой поэтессе, например:

*Я счастлива была, свободна,
Любима, счастлива, свободна,
Со всеми и наедине!* [2, с. 46];
*Я жива, жива, жива,
Богом не забыта,
Молодая голова
Дрянью не забыта.* [2, с. 47]

В сборнике «Лоза» отмечается практически полное отсутствие индивидуализации лирического адресата-возлюбленного или имплицитного персонажа и его мира. Поэтесса не описывает гендерную пару, образа «любимого» нет, и это является значимым. Особенностью третьего сборника является то, что автор редко описывает гендерную пару лирической героини.

Например, в стихотворении «Снегопад» пара адресат-адресант описывается повторяющейся строкой: *Я, черная птица, и ты, голубая*. Главный парный образ создаётся за счёт цветового противопоставления. Выраженная номинация лирической героини и её собеседника – слово *птица*. Гендерные различия стираются, родополовая оппозиция нейтрализуется, вывод на первый план, выделяя в стихотворении тему душевной близости, внутреннего родства. В стихотворениях «Лоза» [2, с. 103] и «Над тетрадь» [2, с. 65] адресация выражается при помощи местоимения *ты* и обращения *любимый*. Но в первом случае половая принадлежность остается неясной: *Но ты, кто первым каждый слог / Из-под руки моей читаешь, / Отлей из почвы смуглый сок / Лозе, которую питаешь*. А во втором тема любви находит развитие в описании чувств лирической героини: *Любимый! Видишь, как стараюсь / Счастливой быть в твоём гнезде, / Где моего – лишь я сама*.

В стихотворении «Балтийское лето» номинация *родной* и обращение к описанию матери стирают гендерную оппозицию:

*Как я – горбонос, длинноглаз –
Пришел голубой долодлаз
Из моря, из горького неба.
И я угадала: родной!
<...>*

*И вдруг увидела сама,
Как мама сходила с холма,
Холодная, словно снега;
Но мама какая была у меня!
Красивая и молодая!* [2, с.17].

Уже в ранних сборниках начинается работа по отбору единиц по грамматическим родовым показателям.

Отбор в пределах строфы находим в стихотворении «След в море» в самохарактеристике лирической героини: *Я там жила недолго, но тогда, / Когда была настолько молода, / Что*

кожа лба казалась голубую, / Душа была прозрачна, как вода, / Прозрачна и прохладна, как вода, / И стать могла нечаянно любовью [2, с. 15].

В стихотворении «Снег в ноябре» также наблюдается отбор по роду. Этот случай интересен тем, что, говоря о матери, поэтесса использует средний род, стирая гендерную определенность:

*Я думаю, дитя, родившее меня,
Заранее о том кого-то попросило,
Чтоб я наедине, зимой на склоне дня
Сравнительно легко печаль переносила.*

[2, с. 13]

Наблюдается динамика и в использовании антропоморфной метафоры. Для двух первых сборников Юнны Мориц она характерна и создается при помощи различных языковых средств.

Стихотворение «Осень в России» имеет две гендерных пары *орешник – сосны* и *осень – поезд*. В первом случае антропоморфизация достигается за счет использования глагольной метафоры (*орешник мечется и влез к соснам*) и сравнения (*орешник – грешник*).

Там весь оранжевый орешник.

Он в соснах мечется, как грешник.

Он к этим соснам в полночь влез. [3, с. 7].

Во второй паре, *осень – поезд*, антропоморфизация создается автором другим способом: «на платьях осени одной» – осень имеет атрибут, присущий человеку (одета в платье); осень сравнивается с *девочкой-крестьянкой* и *живет в лесу... в избушке смоляной* – помимо глагольной метафоры, созданной при помощи глагола *жить*, автор помещает осень в человеческое жилище.

То словно девочка-крестьянка,

Живет в лесу у полустанка

Она в избушке смоляной. [Там же]

Осень не только имеет внешние человеческие характеристики и выполняет действия (*приезжает*), но и получает внутренние характеристики, присущие живому существу, такие как вкус.

Она в тот город приезжает

И все кругом преобразует

Ее высокий, дерзкий вкус! [Там же]

При создании же собственно гендерной пары, используя для одушевления анимизацию, поэт называет осень по имени *Настенька, Настасья*.

Таким образом, в стихотворении «Осень в России» используется глагольная метафора, анимизация, сравнение, в котором наличествует имя существительное, обозначающее человека, наделение объекта изображения человеческими атрибутами, внутренними характеристиками, присущими живому существу.

Сборник «Лоза» отличает отсутствие регулярного использования антропоморфной метафоры. Стихотворение «Осень» посвящается философским размышлениям, а «Осень в Абхазии» описанию мира лирической героини.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в сборниках Юнны Мориц «Разговор о счастье», «Мыс желания» и «Лоза» наблюдается ярко выраженное бинарное гендерное членение мира, которое на языковом уровне проявляется в гендерном отборе, гендерно-лексических оппозициях, в активном использовании гендерно ориентированной антропоморфной метафоры, которая обладает ярко выраженными индивидуально-авторскими чертами, анимизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / Ирина Ильинична Ковтунова. – М. : Наука, 1986. – 208 с.
2. Мориц Ю. Лоза / Юнна Мориц. – М. : Советский писатель, 1970. – 160 с.
3. Мориц Ю. Мыс желания / Юнна Мориц. – М. : Советский писатель, 1961. – 108 с.
4. Мориц Ю. Разговор о счастье. Стихи / ЮЮнна Мориц. – К. : Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1957. – 53 с.
5. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имен) : Монография / Елена Александровна Скоробогатова. – Харьков : НТМТ, 2012. – 480 с.